

Среди многочисленных публикаций, рассказывающих о работе нашего театра, выступлений в печати его актеров бережно хранится статья народного артиста СССР Николая Черкасова в газете «Литература и искусство». Есть в ней такие строки:

«В 1939 году я был на сопке Заозерная у наших пограничников, творческий вечер длился около четырех часов, затянулся до глубокой ночи. Но вопросы, которые поднимали бойцы, были так значительны и интересны, что я, как и бойцы, забыл о времени и не чувствовал усталости. Не знает усталости и дружба работников искусства с бойцами и командирами нашей Красной Армии. В тяжелые, грозные дни гражданской войны зародилась эта дружба. И с тех пор без усталости идет беседа ума и сердца, оживляющая нас, актеров, заставляющая лишним раз задуматься о таланте и скромности, о силе воли и о настойчивости в работе над собой. Эта беспримерная в истории мировой культуры связь работников искусства с армией приняла характер взаимного шефства и в парадных приемах, и в интимных встречах на пограничной заставе, когда актеров вдвое больше, чем зрителей. Каждый день укреплял эту дружбу, дружбу актера с его лучшими, самыми дорогими зрителями — бойцами Красной Армии...»

Сегодня, более сорока лет спустя после публикации этого выступления, каждый из нас с чистой совестью, с высоким волнением готов подписаться под этими словами. Ибо дружба наша с воинами Советской Армии действительно «не знает усталости». Регулярно выступая в воинских частях, наши актеры, режиссеры, художники не только, так сказать, показывают себя, свое творчество, — они консультируют участни-

РЯДОМ С ГЕРОЯМИ

Игорь ГОРБАЧЕВ,

**народный артист СССР,
лауреат Государственной премии РСФСР,
художественный руководитель
Ленинградского государственного
академического
театра драмы имени А. С. Пушкина**

ков художественной самодеятельности, помогают им ставить и оформлять спектакли. В долгих, задушевных и открытых беседах с солдатами, матросами, офицерами черпаем мы интереснейшую информацию, часто находим новые, порою неожиданные, краски, психологические нюансы, помогающие нам в работе на сцене, придающие достоверность и глубину образам наших современников.

Мне не единожды приходилось играть роли военных. И каждый раз за обобщенным художественным образом мне чувствовался и виделся конкретный человек, встреченный в войсках: в нашей армии, на флоте столько ярких людей, незаурядных личностей, что, по моему глубокому убеждению, отрицательный персонаж здесь найти во сто крат сложнее, чем десяток положительных. Ведь вся жизнь профессионального военного, его бескорыстное, беззаветное служе-

ние долгу, народу, Родине сами по себе воспитывают человека чистого, высоко нравственного, обладающего лучшими рыцарскими качествами. В правоте своего вывода я утверждался не раз, находясь, как говорится, лицом к лицу со своими героями, — когда, например, готовясь к роли политработника в «Молодости офицера», целое лето пробыл в части или, чтобы сыграть Плакушу, военного моряка, в «Командире корабля», четыре месяца провел в морском походе. Я думаю, что, не будь таких встреч, так много добрых знакомых среди армейских и флотских офицеров, столь крепкой дружбы с воинами — вряд ли получились бы у меня образы военных, а сыграть мне их довелось немало...

И вот совсем уже свежий пример. В нашем новом спектакле «Предел возможного» ситуация такова. Молодому инженеру Игнату Ремезу приказано принять завод и в трехмесячный срок обеспечить выпуск танков. А завода-то нет! Есть невыгруженные станки на платформах эшелона. И — ни кола ни двора...

Ремеза играю я. Надо было искать в образе главное — где истоки, откуда в этом человеке

та огромная уверенность в своих силах, позволяющая действовать буквально за «пределом возможного», эта неколебимая вера в тех, кто трудится рядом с ним, вкладывая всю душу в осуществление выдвинутого партией лозунга «Все для фронта, все для победы!»

И вот однажды приехали мы на творческую встречу в одну из воинских частей. Беседую я с командиром. Он рассказывает увлеченно, с блеском в глазах. О своих подчиненных. О боевой технике — грозной, сильной и по-своему доброй: о броне, которая надежно окутывает солдата от огня. И вдруг я ощутил своего Ремеза. Понял, что не о пределах возможного думалось ему тогда, а о тысячах солдат, защитников наших, идущих в бой без прикрытия танков, без этой самой брони.

Я, школьник блокадного Ленинграда, помню их, этих солдат. Опаленные огнем, в бинтах, появлялись они в городе «на роздых» и оделяли нас кусочками хлеба. А ведь сами недодедали... Какое сердце для этого надо было иметь, поймет лишь тот, кто испытал настоящий голод.

Ремез работал в тылу. В глубоком тылу. Но разве нет частицы его души в нашей общей Победе?

Такого Ремеза я и играю. Играю — и вижу за ним Человека с большой буквы, символизирующего великое единство армии и народа: народа-строителя, народа-воина.